

Nelli Szczedrina

Астафьев, Солженицын – праведники литературы

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 251-262

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Nelli Szczedrina

Moskiewski Państwowy Uniwersytet Regionalny
Moskwa, Rosja

АСТАФЬЕВ, СОЛЖЕНИЦЫН – ПРАВЕДНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: *писатель, изгнание, реабилитация, свобода, правдолюбие*

А.И. Солженицын и В.П. Астафьев были истинно-национальными писателями. Они исповедовали свободу в жизни и в творчестве, их называли праведниками, совестью, светом России, «нашим всем». Оба нещадно трудились, каждое утро садясь за рабочий стол, чтобы найти ответы на вечно мучившие лучших людей страны вопросы, так и не найдя им разрешения: «Зачем я жил, зачем работал, зачем круглыми сутками горбился за столом? Люди от этого лучше стали? Мир улучшился? [...] Когда эти вопросы подступают к тебе – становится страшно жить»¹, – итожил Астафьев.

Александр Солженицын был для Виктора Астафьева одним из главных и самых дорогих литераторов, потому что он чувствовал свою близость к нему. Близость связана прежде всего с отношением к России, которой он терзался, как и автор *Красного Колеса*, до последних дней: «Новой смуты, еще одной свалки нам не пережить, не хватит на это наших ослабевших, редееющих рядов, поврежденного, если не надорвавшегося, российского здоровья» (9). Это строки из эпистолярного дневника 1952-2001 года, изданного Г. Сапроновым к 85-летию В. Астафьева и названного *Нет мне ответа...* В предисловии составитель представляет читателю личность Астафьева, человека чуткого к чужим бедам, желающего поделиться с близким ему и радостью, и огорчением, человека свободного – «и в жизни, и в творчестве» (8). «Все мы, кто знал его, был в переписке с ним, дружил с ним, как-то привыкли к тому, что есть вот такой у нас Виктор Петрович – мудрый, веселый, горячий. Мы могли написать ему письмо и быть уверенными, что обязательно получим ответ. Могли запросто позвонить или зайти в гости, порой забывая, что отвлекаем ... от работы, ломаем творческий настрой. Ибо мы всегда знали, – пишет Г. Сапронов, – что есть человек на земле, на которого хотелось равняться, доверять ему свои сомнения, перед которым может быть стыдно, и который всегда ответит на твои «глобальные» вопросы. Хотя знаю, что жаждой своей услы-

---

¹ В.П. Астафьев, *Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952-2001*, Иркутск 2009, с. 9. В дальнейшем текст цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

шать от него однозначный ответ на мучившие всех вопросы многие люди смущали его: «Кабы знал я ответ на вопрос, как жить, я бы написал его на листовках и разбросал с вертолета...» (7).

«...Пока он был на земле, – говорит составитель дневника, – меня не покидало ощущение духовного порядка» (7). Геннадий Сапронов называет Астафьева «оптинским старцем», потому что в Овсянку тянулись люди, как в Оптину пустынь, начиная от провинциальной учительницы, кончая президентом. При чтении дневника-переписки с разными людьми облик писателя усиливается благодаря диалогу и горячему обсуждению насущных проблем как со стороны адресата, так и со стороны ответчика.

На протяжении всей писательской жизни Астафьев держал в памяти образ Солженицына. Облик автора *ГУЛАГА*, боровшегося с советским режимом, а затем изгнанника, вырисовывается из многочисленных реакций, отзывов Астафьева на события, происходившие в жизни Александра Солженицына. Вначале – на появление первой публикации, сделавшей бывшего зека известным, затем – на травлю и выдворение из советской страны.

В письме 1962 года к критику А.Н. Макарову Астафьев сообщает: «Сегодня прочел Солженицына в *Новом мире*². Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый» (49). А поскольку Астафьев относился к борцам за справедливость, резко реагировал на происходящее в литературе, то личность Солженицына во многом становилась для него примером и отправной точкой. 26 августа 1966 года из деревни Быковка он делится своими мыслями с писателем А.М. Борщаговским по поводу того, какое место занимают в литературе авторы, приближенные к власти, «разменивающие свой талант и жизнь на суету и пятаки». Их деяниям он противопоставляет тех, кто не пишет «на потребу»: «[...] и Васю Белова, и Юру Казакова, и Костю Воробьева, и Володю Сапожникова, и ... Солженицына, и Максимова ... дай им бог дальнейшего мужества и здоровья!» (88).

Понимая непростую обстановку в литературе, сочувствуя тем, кто оказывается в этой сумятице, Астафьев ставит в пример Солженицына, понимая, что он послужит для других авторов поддержкой: «Эка невидаль – бьют! Солженицына вон как бьют, отстаивает свое право называться человеком, да еще и нам в этом деле помогает.

Литература, брат, вступила в такое отношение с обществом, что тут без борьбы уже не обойтись, и морды в кровь скоро будут бить всем нам, но и мы койкого в бараний рог согнем, отросли зубы-то. Писатели, особенно бывшие фронтовики, – народ упрямый, их не больно запугаешь...» (120).

В ноябре 1970 года Астафьев – один из немногих, будучи членом правления Российской писательской организации, выступил против исключения из Союза писателей Солженицына, в защиту человека, «которому и без того выпала доля мученика в жизни и в литературе» (159). В своем обращении Астафьев пишет: «Не довелось мне читать его романов – не люблю я читать и думать под одеялом – унижительно это для бывшего солдата и русского литератора, но и то, что я читал, напечатанное в журнале, особенно *Матренин двор*, – убедило меня в том,

² Речь идет о повести *Один день Ивана Денисовича*, опубликованной в 11 номере.

что Солженицын – дарование большое, редкостное, а его взашей вытолкали из членов Союза и намек дают, чтобы он вообще из “дома нашего” убирался. А мы сидим и трем в носу, делаем вид, будто не понимаем вовсе, что это нас припугнуть хотят, ворчим по закоулкам, митингуем в домашнем кругу.

Стыд-то какой! Вчерашние бойцы, неустрашимые фронтовики и их спутницы делают вид, будто ничего не произошло и не происходит. Будто и не ведают, что кровью нашей завоеванное в мире уважение расплывается, улечучивается, и те, кто был за нас, отвертываются один за другим. Говард Фаст, Фрэнк Харди, Андре Стиль и покойный Джон Стейнбек, даже Луи Арагон...

Что же – опять изоляция? Опять пресловутый железный занавес? Опять это зловещее: “Я не прошу вас доносить друг на друга, но прошу проникнуться друг к другу здоровым недоверием”? А ведь если так и дальше дело пойдет и все мы по углам отмалчиваться будем – до новой беды снова докатиться возможно.

Горько и тяжело писать вам, убеленным седиными, много пережившим и переживавшим, но еще горше и тяжелее молчать.

Честный выстрел, пробивший сердце Александра Фадеева, не дает права молчать тем, кто пришел сменить его на боевом и нелегком посту

С уважением, В. Астафьев, член правления Союза писателей РСФСР» (161).

Переключка между Астафьевым и Солженицыным уже существовала незадолго до выдворения из страны А. Солженицына. В. Астафьев читал в самиздате его статью *Жить не по лжи*, где автор противопоставлял «верноподданности» «личное неучастие во лжи»: «ни в чем не поддерживать лжи сознательно» (курсив А.С.)³. Астафьев тоже призывал, не ссылаясь на писателя-изгнанника, «не допускать лжи, хотя бы в большом»⁴. В статье *Образованщина*, посвященной русской интеллигенции (от старой технической 1920-х годов, до разных слоев провинциальной и столичной 1960-1970-х), написанной незадолго до ареста, Солженицын говорит об ее вине перед народом и считает, что образованный слой опрометчиво называть «интеллигенцией», правильнее именовать «образованщиной» (Т. 1, с. 99), особенно партийную верхушку – «центровую образованщину», которая все «делает в свою пользу» (Т. 1, с. 116).

Астафьева тоже волновала эта проблема. Интеллигентность он связывал напрямую с нравственно-этическими нормами поведения человека, а не с образованием. Дипломированному хамству писатель противопоставлял обостренное чувство справедливости. «Интеллигентной» называл свою бабушку Екатерину Петровну, которая «никогда не лгала, была доброжелательна к людям и жила орпятно»⁵. Он говорил: «Интеллигентный человек никогда не лжет. Никогда не берет на себя невыполнимых обязательств, но уж какое обязательство необдуманно возьмет, то выполнит его во что бы то ни стало. У интеллигентного человека совесть перед самим собой всегда чиста»⁶.

В годы изгнания Солженицына Астафьев не перестает думать о нем. В письме В. Курбатову от 1 ноября 1984 года сообщает, что был поблизости от места рож-

³ А.И. Солженицын, *Публицистика*: в 3 т. Т. 1, Ярославль 1995, с. 189. В дальнейшем ссылки на это издание, в скобках указан том и страница.

⁴ Г.М. Шленская, *Взболев*, [в]: *И открой себе память...* Материалы к биографии В.П. Астафьева, Красноярск 2005, с. 257.

⁵ Там же, с. 176-177.

⁶ Там же.

дения лауреата Нобелевской премии, «где его поминают либо в шутку, либо с грустной улыбкой, качая головой, со злом никто при мне не поминал» (336).

Мысль о Солженицыне приходит Астафьеву в голову, когда побывал во Франции, на могиле И. Бунина, которому мечтал поклониться, «попросить прощение за всех» (406). Об этом в эпистолярном дневнике читаем в письме к К. Перевалову, посланному из Красноярска в 1988 году.

А годом позже, оказавшись в Америке, Астафьев сообщает своей семье, что находится неподалеку от дома, где живет Солженицын, и обращается к нему с письмом.

И, конечно, Астафьев был среди тех, кто жаждал реабилитации Солженицына, приближал его приезд на Родину, а потом и внимательно следил за очень непростым «вхождением» в жизнь современной России писателя-изгнанника. Имя его возникает в письме неизвестному автору, где дается характеристика времени, которое переживает страна, и тяжелой судьбы русского человека в постперестроечное время. Как бы из низов, из народных глубин, Астафьев видит «разрушение» крестьянства как опоры державы, объясняет неготовность людей принять новые порядки. Причина в том, что «[...] народ настолько ослабел духовно, что и не взыскует лучшей жизни, а уж “ломить хребет за светлое будущее” тем более не станет. Он знает, что это такое, он на себе испытал все прелести “борьбы” и устремлений ко всеобщему счастью» (570), – пишет Астафьев. И продолжает: «...Наладить жизнь, унять разброд и болтологию, разор и воровство под силу только очень сильному и дружному народу, наверное, много времени, много жертв потребуется, пока он сделается таким. Зачатки есть, но как им развиваться, когда отцы и деды, пережившие небывалые испытания, невзгоды, понеся огромные потери, прежде всего нравственные, не выдержав свободы, испугавшись испытания самостоятельной жизнью, снова хотят полуроботы, полужизни, полудостатка и согласны жить под ружьем и надзором, но зато «спокойно», то есть от аванса до полочки, не сводя концы с концами, зато не надо ни о чем думать, не надо ни о чем тревожиться, куда-то устремляться. [...]

Мало что меняется на Руси: “Отняли копеечку, обидели юридивого, не надо молиться за преступного царя Бориса”. Это когда написано-то? А вон какая ария? Злободневная и поныне...» (570).

Об этом думает и Солженицын, находясь в Вермонте. В период падения советского режима выступает с «посильными соображениями» *Как нам обустроить Россию?* (1990). Идеи реформирования писатель готов был публично предложить и раньше, выдвинув собственный, во многом неординарный подход к решению острейших проблем, вставших перед страной на рубеже 80-х-90-х годов XX столетия.

Записи 1990 года в *Зернышке* гласят: «Мысли к работе – как обустроиваться России после коммунизма? Куда и как бы двигаться? – копились у меня уже лет восемь – десять, да даже уходили корнями в послевоенные тюремные камеры, в тамошние споры 1945-46 годов. Выстраивалась не целостная государственная программа, это непосильно издали, да и без экономики, в которой я не сведущ, – но все же посильные советы, основанные на долгих годах моих исторических розысков.

...Конечно, подлинное возрождение России не в темпе, а в качестве, – однако все кипит сегодня, оно не ждет. И все трудней понять: к чему ж идти?

А при таких бурных переменах – пока напишешь, опубликуешь – и г д е? – так еще и устареет.

Все же с начала 1990 уже сами наплывали у меня фрагменты текста, фразы.

И я отложил другие работы, сел за эту. Теперь подгоняю, что я – опаздываю? Слишком долго медлил?»⁷ (выделение и орфография авторская – Н.Щ.).

Писатель считал тогда, что всё повторилось, что уже шесть лет Россия «расхаживает» в «балаганных одеждах Февраля», что «общество необузданных прав не может устоять в испытаниях», что «чистая атмосфера общества не может быть создана никакими юридическими законами, но нравственным очищением». Присланная из Вермонта работа по-настоящему, пристально, в стране не обсуждалась. Несмотря на то, что брошюру «замолчали», важность для себя самого такого шага Солженицын выразил словами: «Между тем – вот э т о и была моя реальная попытка возврата на родину. Заодно и проверка – нужен ли я там сейчас? Услышат ли меня спешить ли вослед – развивать и воплощать сказанное? Ответ был: нет, не нужен. Нет не услышали. Государственные размышления – это что-то слишком преждевременное для нас»⁸.

Когда Солженицын вернулся в Россию, чувствовалась судорога людей, которым претит мысль о том, что обустройство новой России – это серьезнейшая проблема, таящая в себе множество опасностей. Высказанная им позиция заключалась в принципиально новом отношении к строительству государства как форме организации политической власти. На первое место Солженицын ставил человека и его духовные потребности, поэтому вся система доводов направлена была на доказательство приоритета культурно-воспитательной, нравственной над остальными (экономической, социальной, общественной и т.д.) функциями.

Вновь на страницах трактата *Как нам обустроить Россию?* возникла личность Столыпина – одной из ключевых фигур *Красного Колеса*, введившего строгие ограничения на владение землёй, чтобы она не попадала в руки спекулянтов и подставных лиц. В главе «Земство» писатель утверждал, что ослабление тяги к ней – «большая опасность для народного характера» (П. Т. 1, с. 553), «при нынешней отвычке от земли [...] – арендой, может быть, уже людей и не привлечь» (П. Т. 1, с. 554).

В местное или уездное земское собрание, по мнению Солженицына, должны проводиться прямые выборы. Избирательная система в этом случае строится по мажоритарному принципу. Процедуры избирательных компаний могут варьироваться в различных округах, но везде должны проходить в короткий срок, иметь скромный характер и финансироваться из местных источников. Для всех вышестоящих ступеней земской системы Солженицын ратует за многоступенчатые выборы, то есть гласные волостного земства в конце своих полномочий избирают из своей среды депутатов уездных земских собраний. Такой же порядок формирования представительных органов определён и на всех последующих уровнях.

Более двадцати лет прошло со дня появления работы Солженицына *Как нам обустроить Россию?*, в которую, по словам Н. Солженицыной, писатель «вло-

⁷ Там же, с. 1, 6.

⁸ Цит. по: „Российская газета” 2010, 16 сентября, с. 6.

жил... всего себя, всю любовь, и страдания, и надежду»⁹. Откликнулись на это средства массовой информации. Противоречивые суждения в интеллектуальном клубе «Свобода слова» 12 ноября 1990 года, помещенные в „Литературной газете” № 36 за 15-21 сентября 2010 года, смыкаются с сегодняшними мнениями о не востребованности «Посильных соображений» Солженицына (редакция газеты допускает неправильность в подзаголовке эссе, называя «Посильными **размышлениями**» (выделено мною – Н.Щ.). Высказывания писателей и критиков в „Российской газете” и в двух номерах „Литературной газеты” в 2010 году по поводу того, «Как мы обустроили Россию?» за двадцать лет, содержат и высокую оценку «философского письма» Солженицына, и несогласие с выдвинутыми когда-то писателем положениями, и горечь утраты, «кто и когда таких людей у нас слушал... когда они предупреждали, какие беды грозят России»¹⁰. Но все оставались единодушны в том, что наша необустроенность за это время ухудшилась, что предложения Солженицына актуальны до сих пор. Мысль о том, что общество находится в духовном тупике, объединяет всех откликнувшихся на поставленный когда-то Солженицыным вопрос.

Возвращаясь в Россию из далекого Вермонта, Солженицын по пути в Москву проезжал к Астафьевым. В письме Н. Гашеву от 26 июля 1994 года сообщается: «Солженицын сразу же по прибытии в Красноярск приехал ко мне в Овсянку, мы проговорили с ним часа три без свидетелей, и я кое-что успел ему показать в деревне, сводил и на кладбище, и в библиотеку, и на Енисей...» (537).

После встречи с Солженицыным летом 1994 года Астафьев признавался в письме В. Курбатову от 3 августа 1994 года: «[...] беседа полноправная, с полуслова понимали друг друга, разночтений не было – *великий муж Александр Исаевич, великий!* С ним общаться нелегко, ответственно, но интересно и, надеюсь, *взаимообогащающе*» (курсив мой – Н.Щ.) (538).

После приезда в Россию Солженицын активно включился в современную политическую и литературную жизнь, раскрылся как вдумчивый и тонкий мыслитель, ищущий ответы на вопросы как жить дальше, а точнее – как выжить.

Через год после встречи с Солженицыным, а это был уже 1995, Астафьев, прочувствовав долгожданный путь возвращения Солженицына и не унимающиеся разговоры вокруг его учительства как человека, давно не представлявшего себе, что происходит в стране, а задумавшего советовать, как поступать в это непростое время, пишет: «Возвращение [Солженицына – Н.Щ.] домой – это событие не только для всей культурной жизни России, но и сдвиг в сознании всей мировой интеллигенции (571), событие нами пока не осознанное, но многих раздражившее – сам шевелит мозгами и заставляет нас тревожиться за свою судьбу, озаботиться заботами России и добиваться блага, строить жизнь собственными руками, собственным трудом. “Эка, явился указчик!” – и указчик, и направитель, а не пустозвон-коммунист, которому наобещать с три короба и ничего не сделать – естественное состояние, а уж пострадать?!

Солженицын прежде всего состраданияем, сочувствием своему народу и Родине своей помогает нам взять лицо к небу, укрепиться на земле, он, он истинный

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

праведник, взывающий к Богу и добру, а не тот, что тоже явившись на родину, поддакивал разъяренной толпе: “Если враг не сдается, его уничтожают”, видя, что во враги тут могут зачислить кого угодно, даже самого новоприбывшего предвестника-буревестника не пощадят» (572).

О «великих болезнях» России периода, как называет Солженицын, «Смуты Семнадцатого года» и «Великой Русской Катастрофы 90-х годов XX века» и его очерк *Русский вопрос к концу XX века*, а главное – *Россия в обвале*, опубликованная в 1998 году. «Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечного жестокого века России»¹¹, – говорит в авторском предисловии Солженицын. И продолжает, что сбылись его самые худшие опасения, высказанные в широко известной работе *Как нам обустроить Россию? Посильные соображения*, – страна погибает «под развалами коммунизма»; прежнее ликование народное сменил горестный стон: «Россия – расплющена»¹². Главная мысль состоит в том, что развал СССР может погрести под своими обломками и всю страну.

Речь в Государственной Думе 28 октября 1994 года Солженицын закончит словами: «Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это сбережение нашего народа, и так столь уже измученного, сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций» (467). А в интервью АИФ 2-8 августа 2007 г. (журналу „Шпигель”) писатель выдвинет «сбережение гибнущего народа» как национальную идею.

Мысль об уничтожении русского народа составляет основной пафос романа В. Астафьева *Прокляты и убиты*. К концу первой части *Чертova яма* все сильнее звучит идея ценности человеческой жизни, мысль о возврате к нравственным истокам наших предков. «Хватит уж сорить людьми, хватит сорок первого года, когда лучшие бойцы погибали, не побывав даже в окопах, не увидев врага; не дойдя до передовой, целые соединения оказывались в котле, в окружении [...] Напрасная гибель, бесполезная жизнь – ах, как горько это знать»¹³, – говорит В. Астафьев.

«**Настойчивым правдолюбом**» назвал Александр Солженицын Виктора Астафьева в телеграмме соболезнования, посланной 29 ноября 2001 года, а в *Литературной коллекции* (из архива писателя) еще добавил: Астафьев «из самой гущи народа», «уцелевший в военной мясорубке», а потом «затяжно молчавший» о ней, ибо был он «*переполнен* всем пережитым настолько неисчерпаемо, что должен был испытывать человеческое бессилие выразить всю эту за-человечность»¹⁴ (курсив и выделение А.С.).

Ядро философии Солженицына составляют Раскаяние, Самоограничение и Очищение, противостоящие насилию и системе государственного порабощения: «Раскаяние есть первая верная пядь под ногой, от которой только и можно двинуться вперед не к новой ненависти, а к согласию. Лишь с раскаяния может на-

¹¹ А.И. Солженицын, *Россия в обвале*, Москва 1998, с. 4.

¹² Там же, с. 3.

¹³ В.П. Астафьев, *Прокляты и убиты*, Москва 1994, с. 354. В дальнейшем в статье указана страница по этому изданию в скобках.

¹⁴ А.И. Солженицын, *Виктор Астафьев. Из литературной коллекции*, „Российская газета” 2009, 3 марта, с. 13.

чаться и духовный рост. Каждого отдельного человека. И каждого направления общественной мысли» (П. Т. 1, с. 52).

Ему близки идеи соборности, единения людей, особенно славян.

А.И. Солженицын, как И.А. Ильин, выход России из кризиса связывает с развитием духовных и нравственных начал личности, настаивая на том, что «именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепляет тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных. Если в предстоящее десятилетие мы будем ещё, ещё терять и объём населения, и территории, и даже государственность – то одно нетленное и останется у нас православная вера и источаемое из неё высокое мироощущение»¹⁵.

Глава Православной церкви в Америке митрополит Феодосий в своем выступлении 2 марта 1983 года в Вашингтоне по случаю присуждения Темплтоновской премии Солженицыну высоко оценил деятельность писателя. По словам митрополита Феодосия, в наше время, «отмеченное нравственной дряблостью, постоянной готовностью идти на сделку со злом, самостью», Солженицын открыл подлинную красоту и глубину человеческой жизни, «целиком посвященной этическим и духовным ценностям» (П. Т. 1, с. 713-714). Глава Православной церкви назвал его «пророком», посланным нам Богом (там же, с. 714).

Именно христианское восприятие мира предопределило характер трактовки жизненной правды, какой она предстаёт в произведениях Солженицына.

В *Темплтоновской лекции* Солженицын сформулировал главную трагедию «в с е г о XX века»: «Люди – забыли – Бога», «потеряли сознание Высшей Силы над собой» (разрядка авторская – Н.Щ.). «Пороками человеческого сознания, лишенного божественной вершины», по мнению писателя, «определились и все главные преступления этого века» (П. Т. 1, с. 447).

Солженицын обеспокоен потерей гармонии между духовной и физической природой: «Человек потерял ощущение себя как органичной, хотя и одаренной волею, точки Вселенной. Он все больше стал мнить себя центром окружающего, на себя принаравливая к миру, а мир к себе» (451). С горечью писатель резюмирует: «Отказавшись помнить неизменную Высшую Силу над нами – мы насытили пространство императивами личными, и вдруг стало жутко жить» (451). Писатель призывал почувствовать, как Творец участвует в жизни каждого из нас, добавляя нам «энергии бытия». Противопоставить несчастному XX веку можно лишь «упорные поиски теплой Божьей руки» (П. Т. 1, с. 456).

О тех, кто предал забвению Божье имя и бросил страну в пучину революции, А. Солженицын писал в *Красном Колесе*. Астафьев подхватил эту мысль и заговорил в *Проклятых и убитых* о расхристианившейся Руси, вынужденной расплавляться человеческими жизнями, о возмездии, которое настигает человека и страну в результате попрания христианских ценностей. Созвучны с Солженицыным слова Астафьева в *Затесях* о трагизме «заблудшего российского человека», которому кто только не указывал пути к «светлому будущему», а он «оказывался еще глубже в тайге». Голоса его не слышат ни правые, ни левые, хотя борются за русского человека, за спасение России, «не понимая и не желая понять,

¹⁵А.И. Солженицын, *Россия в обвале...*, с. 187.

что нам, утратившим веру в Бога, нам, со смещенным сознанием, пониманием добра и зла, надо прежде всего бороться за самих себя и спастись трудом, и молитвой, и в этом *разбежавшемся зверинце* самим обрести свободу и достойную жизнь»¹⁶ (курсив мой – Н.Щ.).

Астафьева и Солженицына многое объединяло не только в творчестве, но и на пути постижения истины и основ бытия. Авторские рассуждения, когда они выражали свое мнение в произведениях по поводу самых разных вопросов, – необходимое звено. Их диапазон довольно широк: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство из них звучат как философские размышления на вечные общечеловеческие темы.

Эпистолярный дневник В. Астафьева *Нет мне ответа...*, его художественные полотна *Последний поклон*, *Прокляты и убиты* «проникнуты пафосом защиты дорогих автору идей»¹⁷. В них раскрывается судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездие за богоотступничество целой страны; Октябрьская революция, её последствия и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её вдохновители; уничтожение русского народа. Зачастую авторский голос звучит полемически и носит риторический характер, в нём можно уловить элементы дидактики, наставления и поучения.

О моральном Долге, об ответственности перед своим народом и человечеством Солженицын говорил еще в *Нобелевской лекции*. Писатель не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, «он – совиновник во всём зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, – то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, – то на ладонях писателя синяки от той веревки [...]. Однажды взявшись за слово, уже потом никогда не уклониться...» (курсив автора) (П. Т. 1, с. 21). Сопричастность судьбе страны Солженицын связывал с ответственностью. А ответственность должна быть во всем, в том числе и в работе с историческими фактами. В *Слове при получении большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук 2 июня 1999 года*, опубликованном в печати под названием *Наука в пиратском государстве*, он говорил об «археологической почтительности» к фактам: «Эти глыбы событий ... не могут быть использованы как опорные площадки для авторской фантазии» (474).

Самый сложный и полемический роман Астафьева *Прокляты и убиты* Солженицын назвал книгой уникальной, написанной «не офицером и не корреспондентом на правах льготного офицера, не политруком, не прикомандированным писателем, – а простым пехотинцем, “черным работником войны”, который, воюя, и не думал, что писателем станет, а когда стал, то еще 30 лет молчал о войне – потому что правды написать о войне было нельзя. И дождался такой возможности только к своим 70 годам»¹⁸ (курсив мой – Н.Щ.). Солженицын

¹⁶ В.П. Астафьев, *Затеси*, Красноярск 2003, с. 683-684.

¹⁷ В. Курбатов, *Миг и вечность*, Красноярск 1983, с. 89.

¹⁸ Там же.

подчеркивал «самородность языка и стихию жизни» в произведениях Астафьева, «выдвинувшего» нам правду о войне «пусть лишь к старости своих годов»¹⁹.

Сам Солженицын занимал позицию праведника, «мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире, – но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: *победить ложь*» (курсив и выделение автора) (П. Т. 1, с. 24). Крепость духа не покидала его. Предназначение творчества виделось в служении Богу. В очерках *Бодался теленок с дубом* Солженицын писал: «То и веселит меня и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я – только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!»²⁰.

Наброски неоконченной статьи *Беглецам из Семьи*, оставшейся лежать на письменном столе в момент ухода из жизни, А. Солженицын посвятил судьбе России. «Семьей» (с заглавной буквы) он называет Отечество, «беглецами» – тех, кто отступил от заветов и традиций предков, православной веры, от богатства свободного и богатого русского языка. «Вот и знак нам, что изродную свою Семью мы забыли, покинули»²¹, – пишет Солженицын. «Только народу, сохранившему органическую духовную связь с наследием предков, – доступно обогатить и мировой духовный опыт»²², – заканчивает писатель.

Эти суждения близки были Астафьеву, хотя в последние годы слышались упреки в его адрес «в нелюбви и даже ненависти к своему народу»²³. «Ненависть» была обратной стороной его «мучительной любви [к народу – Н.Щ.], за которой стояла уверенность в том, что родной народ достоин иной участи»²⁴. Астафьев «выносил приговор сегодняшней жизни». Книга воспоминаний земляков Виктора Петровича названа астафьевским выражением «взаболь». На языке писателя это слово означало «способность к глубокому состраданию, душевному отклику, сердечной отзывчивости на чью-то беду». А за свое пребывание на ней испытывал «светлое благодарение состоявшемуся чуду»: «Спасибо тебе, Господи, что пылинкой высеял меня на эту землю»²⁵.

Немало раздумий Астафьева, особенно незадолго до ухода из жизни, посвящено ответственности художника. В лирико-философском эссе *Глаголом жги сердца людей*, ставшем последним из написанного, Астафьев говорил не только о роли Пушкина и своей любви к нему, сколько о назначении писателя как личности, утверждал, что «поэт трудится с верой в то, что его слово спасет мир от бурь и потрясений, избавит человека от одиночества, утешит, ибо поэзией двига-

¹⁹ Там же.

²⁰ А.И. Солженицын, *Бодался теленок с дубом*: Очерки литературной жизни, Москва 1996, с. 344.

²¹ А.И. Солженицын, *Беглецам из Семьи*, „Российская газета” 2008, 11 декабря, с. 28.

²² Там же.

²³ Г. Шленская, *Взаболь*, [в]: *И открой в себе память...*: воспоминания о В.П. Астафьеве: материалы к биографии писателя. Гл. ред.-сост. Г.М. Шленская, ред.-сост. Н.Я. Сакова. 2-е изд., Красноярск 2008, с. 196.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 199.

ла всегда вера в добро и милосердие, потому что «поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу»²⁶.

Испытывал Астафьев и тяжесть писательского труда: «Профессия прекрасная и проклятая. Ничего тяжелее нет. По крайней мере, я не знаю. Переработал я рабочим всяких специальностей... И в горячем цехе работал, в аду бывал, но знаю, что вот это – уже на износ. Это изнашивает навсегда. Все изнашивает!»²⁷. «...очень проникновенно, годами выстрадав, говорил Астафьев о боли, которая мучает творца. Если одна, творческая, связана с какими-то переживаниями, другая начинается с преодоления себя, цензора в себе...»²⁸.

Приходили ему мысли даже о том, что писательское дело «не только бесполезное, но и греховное. Обман с помощью слова. Как в церкви, превратив ее в театр, блудными словами сотни лет обманывают – это называется “утешают” мирян, так и мы на бумаге творим грех, изображая и навязывая людям свое представление, в большинстве своем убогое, о таких сложных материях, как жизнь, душа, мир, Бог, бесконечность, смерть, любовь, бессмертие» (643). Поэтому, видимо, свое писание Виктор Астафьев иронически именовал «царапаньем бумаги». В письме к В. Курбатову от 5 декабря 1998 года Виктор Астафьев сообщал: «К 80-летию Солженицына попросили меня нацарапать несколько слов [...]. Видал ли ты по телевизору фильм Сокурова о нем? Помоему, замечательно, поскольку безыскусно. Не знаю, как Александр Исаевич согласился допустить к столу и рукописи людей с камерой и вопросами. Тяжкое это испытание, мешает оно не только творить, но прежде всего сохранять равновесие» (644).

В этих словах звучит мысль о благоговении над рукописным словом и о таинстве писания, которое испытывает автор.

Астафьев и Солженицын близки и трагизмом судьбы, и использованием в произведениях личного опыта, и некоторыми художественными приемами. Но главное – любовью к своей отчизне.

Выдвинутая в их произведениях шкала этических и нравственных ценностей свидетельствует о могуществе Духа и роли в истории России. Она состоит в том, что писатели стремились вернуть художественное сознание XX века к приоритетам национального бытия.

---

²⁶ *И открой себе память*, [в]: *Материалы...*, с. 321-322.

²⁷ *Речь Виктора Петровича Астафьева на церемонии открытия Красноярского литературного лицея 26 октября 1998 года*, *И открой себе память*, [в]: там же, с. 149.

²⁸ Н. Сангаджиева, *Пророк в своем отечестве*, [в]: *И открой в себе память...*: воспоминания..., с. 153.

Summary

Astafyev, Solzhenitsyn – righteous people in literature

Nellie Shchedrina's paper deals with Astafyev's diary *I Have No Respond...* (1952-2001) and Solzhenitsyn's comments on him at the end of 1990's.

Proximity of the both is considered on their being nationally oriented. They displayed the zeal of Russia, professed Orthodox traditions, and freedom of creative work. They maintained friendly relations. Astafyev spoke indignantly when Solzhenitsyn was evicted from the Soviet Union, and craved for his rehabilitation.

Solzhenitsyn addressed Astafyev as "veracious partisan of truth", and called his most contradictory novel *The Accursed and the Slain* a "uniquebook" written by a "devoted labourer of war". On his return from expatriation, he visited Astafyev in the village of Ovsynka, and according to the latter they conversed "as equals" for three hours.

These men of letters were just and righteous.

Key words: *writer, eviction, rehabilitation, freedom, veracity*